

бесчинств, в связь с которыми, как наказание, ставятся бедствия, испытанные русским народом в Смутное время: „Весте ли убо, яко творящим злая и придут ли на ны благая? Чего не пострадохом! Не пленена ли земля? не взяты ли быша гради? не падоша ли без оружия? не помроша ли скоти и не оскудеша ли нивы? И сия вся содеяшася ныне пред очима нашими в наше наказание, а никако же вспомянухомся!“¹ Это не только подражание риторическим вопросам Серапиона Владимирского, но и прямое заимствование из его второго „слова“: „Не пленена ли бысть земля наша? не взяти ли быша гради наши? не вскоре ли падоша отци и братия наша?“. Эти слова проповедника эпохи татарского нашествия почти дословно воспроизведены в документе XVII столетия.²

Заканчивая обзор художественно-литературных приемов, наблюдаемых в грамотах и близких к ним документах Русского государства, можно сказать, что некоторыми приемами они часто сближаются с художественно-литературными произведениями, потому что им не чужда установка на выразительность. Сочинители грамот стремились „снять с языка повседневную одежду и придать ему внешность праздничную“, как распространительно интерпретируется одна скупая фраза в „Поэтике“ Аристотеля (глава XXII),³ иначе говоря, старались посредством определенного подбора слов и их сочетаний воздействовать на умы и чувства читателей и слушателей.

Авторы грамот, светские и церковные, не были только писцами типа сухих канцеляристов более поздних времен, но обладали художественно-литературными навыками и известным литературным развитием, что было не столько индивидуальным явлением, сколько проявлением профессиональной традиции или, говоря условно, профессиональной школы.

¹ АЭ, т. 3, № 264, стр. 403.

² Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, стр. 24.

³ Поэтика Аристотеля. Перевод В. И. Захарова, Варшава, 1885, стр. 87.